

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК / UDC 398

**Савар = медведь и Кёкеде Мерген — персонажи
космогонического мифа о небесном охотнике
(на материале сказочно-эпической традиции калмыков)**

*Данара Владимировна Убушиева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-5547-4006. E-mail: bib.danara@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Убушиева Д. В., 2022

Аннотация. *Введение.* Произведения фольклора, зафиксированные на рубеже XIX–XX вв., хранят представления о древней картине мира калмыков, восходящие к охотничьему укладу жизни и к космогоническим знаниям. Изучение сказочно-эпического наследия, содержащего свидетельства мифо-ритуальных знаний этноса, может существенно дополнить этнографические данные. *Цель* статьи — дополнить реконструкцию сюжета космогонического мифа о небесной охоте и смене времен года. *Материалом* исследования послужили калмыцкие сказочно-эпические образцы. В работе применены структурно-семантический, структурно-типологический и сопоставительный методы. *Результаты.* Анализ показал очевидность связи между Саваром = медведем и Кёкеде Мергеном, что согласуется со схемой: миф о медведе-охотнике → архаическое сказание о Саваре = медведе-охотнике → сказка — о Кёкеде Мергене-охотнике. Текстовая реализация показывает, что оба персонажа восходят к мифологическому сюжету о происхождении созвездия Орион. Но с той разницей, что сюжет о Саваре = медведе-охотнике сохранился у калмыков в имплицитном виде и в большей степени раскрывается через этнографический субстрат, тогда как у других монгольских народов существуют самостоятельные мифологические сюжеты о небесном охотнике Кёкеде Мергене. Изученные мотивы о чудесном рождении героя и пути, передвижении персонажей, восходящие к медвежьим и похоронным обрядам, а также связь с небесной кобылицей дополняют ранее исследованные мотивы движения Савара по лунной дороге, побратимства с Саваром = медведем, аналогичности сна Савара спячке медведя в совокупности с запретами, связанными со способностью медведя слышать, и традицией исполнения эпоса в вечернее, ночное зимнее время года. Они составляют комплекс мотивов, восходящих к ядерному мифологическому сюжету о небесной охоте и смене времен года. Рассмотренные связи между Саваром = медведем и Кёкеде Мергеном подтверждают смену космического медведя-охотника на антропоморфного персонажа и говорят о возможном существовании архаического сюжета с персонажем Саваром = медведем-охотником, так как образ богатыря Савара калмыцкого эпоса все еще содержит его антропоморфные признаки. Возможно, богатырь Савар = медведь является переходным образом между медведем-охотником и Кёкеде Мергеном, что согласуется с имеющейся в историографии

гипотезой о смене образа медведя на антропоморфного персонажа небесного охотника Кёкеде Мергена и подтверждается на сюжетно-мотивном фонде сказочно-эпического корпуса калмыков.

Ключевые слова: Савар = медведь, Кёкеде Мерген, космогонический миф, солнце, небесная кобылица, лапа, большой палец, чудесное рождение, путь героя

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Убушиева Д. В. Савар = медведь и Кёкеде Мерген — персонажи космогонического мифа о небесном охотнике (на материале сказочно-эпической традиции калмыков) // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 4. С. 778–787. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-778-787

Savar = Bear and Kökede Mergen — Characters from a Cosmogonic Myth of the Heavenly Hunter: Materials of the Kalmyk Folktale / Epic Tradition Analyzed

Danara V. Ubushieva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-5547-4006. E-mail: bib.danara@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Ubushieva D. V., 2022

Abstract. *Introduction.* Folklore narratives recorded at the turn of the 20th century contain ideas inherent to the ancient worldview of Kalmyks and dating back to the period of hunting and cosmogonic knowledge. So, insights into folktale / epic heritage abundant in mythoritual experiences of the ethnos can significantly supplement the available ethnographic data. *Goals.* The article aims at supplementing a reconstruction of the cosmogonic mythical plot of the heavenly hunt and seasonal changes. *Materials and methods.* The paper employs the structural / semantic, structural / typological, and comparative methods to analyze some Kalmyk folktale and epic texts. *Results.* The analysis shows an obvious connection between Savar = bear and Kökede Mergen which is consistent with the scheme: myth of a hunter / bear → archaic legend of Savar = hunter / bear → folktale of Kökede Mergen the hunter. The textual implementations attest to that both the characters had evolved from the mythological plot about origins of the constellation Orion. However, the difference is that the story of Savar = hunter / bear has been preserved by Kalmyks in an implicit form and is rather manifested in ethnographic substrates, whereas other Mongolic peoples have independent mythological stories about the heavenly hunter Kökede Mergen. The examined motifs of the hero's miraculous birth and path, migrations of characters typical for bear-related and funeral rites, as well as the connection with the heavenly mare supplement the previously analyzed motifs of Savar's travels along the lunar road, brotherhood with the bear, similarity of Savar's sleep to the bear's hibernation coupled with prohibitions related to the bear's ability to hear, and the tradition of performing the epic only in evenings, at night, and in winter time. These cluster together to form a set of motifs derived from the nuclear mythological plot about the heavenly hunt and seasonal changes. The considered connections between Savar = bear and Kökede Mergen confirm the cosmic hunter / bear had been replaced by an anthropomorphic character, and attest to there

may have existed an archaic plot with the character Savar = hunter / bear, since the image of Savar the hero in the Kalmyk epic still retains anthropomorphic features of the latter. Perhaps, Savar the hero = bear is a transitional image between the hunter / bear and Kөkede Mergen, which coincides with the hypothesis that the bear's image had been replaced by the anthropomorphic character of celestial hunter Kөkede Mergen, and the latter be confirmed by plots and motifs of Kalmyk folktales and epic.

Keywords: Savar = bear, Kөkede Mergen, cosmogonic myth, sun, heavenly mare, paw, thumb, miraculous birth, hero's path

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions'.

For citation: Ubushieva D. V. Savar = Bear and Kөkede Mergen — Characters from a Cosmogonic Myth of the Heavenly Hunter: Materials of the Kalmyk Folktale / Epic Tradition Analyzed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(4): 778–787. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-778-787

Введение

Произведения фольклора, зафиксированные на рубеже XIX–XX вв., хранят представления о древней картине мира калмыков, восходящие к охотничьему укладу жизни и к космогоническим знаниям. Изучение сказочно-эпического наследия, содержащего свидетельства мифо-ритуальных знаний этноса, может существенно дополнить этнографические данные.

В предыдущих работах нами исследован мотив движения богатыря Савара против хода Солнца и мотив его охоты на оленей и маралов. Анализ показал, что данные мотивы восходят к сюжету космогонического мифа о небесном стрелке и трех маралах [Убушиева 2021]. Полученные результаты согласуются с мнением исследователей о том, что в архаическом охотничьем календаре предков калмыков основными символами являлись образы копытного животного и медведя [Бакаева 2020: 668]. Реконструкция мифо-ритуальных представлений калмыков о медведе выявила семантические параллели с культом медведя тунгусо-маньчжурских и тюрко-монгольских народов, проявляющиеся в эпических мотивах побратимства между богатырями Саваром и Хонгором, богатырского сна, аналогичного спячке медведя и движения Савара по лунной дороге. Более того, анализ подтвердил двойственную природу Савара = медведя [Убушиева 2022].

Исходя из совокупности данных, подтверждающих антропоморфную природу богатыря Савара, рассмотрим обнаруженные связи между персонажами Савар = медведь и Көкеде Мерген.

Впервые гипотеза о связи мифологического медведя-охотника и богатыря Көкеде Мергена на основе сведений о раннем календаре калмыков была высказана Э. П. Бакаевой. Исследователь отмечает, что «у народа саха медведя, о котором остерегались говорить плохо и громко, а иногда говорили, что он относится к злой силе, называли „дед“ („эсе“), „черный“, а также „кок“ — последнее наименование явно имеет общий корень с монгольским словом „көк“. Медведя охотники могли именовать даже именем „мрачного и гневливого“ божества, живущего на западной стороне на третьем небе — Улу-тойона» [Бакаева 2009: 39]. Автор, опираясь на гипотезу о монгольском влиянии на формирование бо-

жественных образов Чингис хана, Одон хана и Джилга хана в якутской культуре, реконструирует название месяца *көкэ* (монг. *хөхөө*) как наименование медведя, связанного с образом божеств, в функции которых входит регуляция времени и судьбы, и замечает, что «об этом же может свидетельствовать тот факт, что в типологически сходных мифах об освобождении солнца образ охотника у разных народов может быть связан с медведем или богатырем Кокодо Мергеном (второе слово может быть именем или определением „меткий“), в имени которого прослеживается тот же корень „кок“» [Бакаева 2009: 39].

Мы, в свою очередь, опираясь на данную гипотезу, предполагаем подтвердить ее на фольклорном материале калмыков и показать состоятельность схемы: миф о медведе-охотнике → архаическое сказание о Саваре = медведе-охотнике → сказка о Кёкеде Мергене-охотнике.

В предыдущих статьях, на наш взгляд, нам удалось аргументировать связь между мифологическим медведем-охотником и эпическим богатырем Саваром, в свете этого представляется актуальным рассмотреть связи между эпическим богатырем Саваром = медведем и сказочным Кёкеде Мергеном.

Основным материалом исследования послужат ранние сказочно-эпические образцы калмыцкого фольклора — эпическая песнь «*Deedü boqdo xān jāngarıgūn yabadaliyın tūli*» («Сказание о походе высокочтимого богдо Джангара хана»), известная в науке как песнь «О Замбал хане» [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15], и сказка «Цагада Мергн, Улада Мергн, Көкөдә Мергн һурвн көвүнә тууль» (Сказка о трех юношах — Цагада Мергене, Улада Мергене и Кёкеде Мергене) в записи И. И. Попова [ГА РО. СИФ. № 13805. Л. 103v–114r]. Следует отметить, что оригинальный текст сказки до настоящего времени не издан, сюжет известен в художественном переводе на русский язык «Сказка про бурую кобылицу и трех богатырей: Цагада-Мудрого, Улада-Мудрого и Кокодэ-Мудрого» [Народное творчество Калмыкии 1940: 195–209; Калмыцкие сказки 1962: 31–45; Калмыцкие народные сказки 1962: 240–254].

Особенная кобылица богатыря Савара и небесная кобылица-мать Кёкеде Мергена

Одним из очевидных связующих звеньев между богатырями Саваром и Кёкеде Мергеном является образ кобылицы. Это согласуется с мнением Н. Б. Дашиевой, которая отмечает, что произошла замена мифологемы «звезда-олень» на мифологему «звезда-конь», в виду перехода от охотничьего хозяйствования к скотоводческому [Дашиева 2001: 69].

В нашем случае — это кобылицы. Так, эпический богатырь Савар — единственный обладатель предназначенной кобылицы, а не скакуна (жеребца). Его кобылица Кюрюнг Галзан, имя которой в буквальном переводе означает «темно-рыжая с лысиной». В сказке «Цагада Мергн, Улада Мергн, Көкөдә Мергн һурвн көвүнә тууль» («Сказка о трех юношах — Цагада Мергене, Улада Мергене и Кёкеде Мергене») фигурирует *күргчн гүн* ‘букв. темно-рыжая кобылица’, которая приходится небесной матерью богатырю Кёкеде Мергену.

Совпадение темно-рыжей масти кобылиц богатыря Савара и Кёкеде Мергена не случайно. Известно, что золотая окраска — это демонстрация связи с солнцем, признак иного мира [Пропп 2000: 369].

Кобылица Кюрюнг Галзан быстрее других скакунов богатырей и непременно побеждает в скачках, устраиваемых между ними. Также подчеркивается, что она на сажень быстрее ветра:

I песнь Б. Ц. — 11r (12) *bātur tayijini köbüün kündü ɣartai sabar* (13) *kürüng ɣalzan morini külog boluqsan* (14) *caqtān: sanānāsū delem xurdun bolnai:* (15) *salkināsan alda xurdun bolnai:* ‘Сына богатыря Тайджи — Тяжелорукого Савара, Когда кобылица Кюрюнг Галзан стала скакуном его, Была она на полусажень быстрее мысли и на сажень быстрее ветра’¹ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 11r].

I песнь Б. Ц. — 11v (20) *xurdun geqsen morini* (21) *emēlen gesen dorān abād:* *kökö šil* (22) *temcēd köqlēd köqlēd ɣarči yabanai:* ‘Самая быстрая лошадь, седло под животом собрав, Ретиво в сторону небесного хребта устремилась’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 11v].

Такой же быстротой обладает и темно-рыжая кобылица, вскормившая Кёкеде Мергена, она вмиг исчезает, превратившись в тучу:

105r (5) *dakād güün delteriin činen xara üülen bolōd* (6) *xun duu ɣarād oqtoɣuyūr yabād odnai:* ‘Кобылица, снова став черной тучей величиной с верхнее покрывало [кибитки], по-лебяжьби прокричав, в небеса поднялась’ [ГА РО. СИФ. № 13805. Л. 105r].

Здесь прослеживаются связи конь = ветер и конь = облако (туча) = птица. Быстрота может являться признаком иного происхождения, отражая мифологическое восприятие коня / лошади как символа явления природы.

Не противоречит небесному происхождению Кёкеде Мергена и его братьев их нахождение / рождение в яме для перегонки араки. Так, замечено, что «оба мира равно участвуют в глобальном — и самом значимом для человека — процессе круговорота жизни. Небо санкционирует жизнь, оно оплодотворяет. Но рождает земля — природное воплощение „телесного низа“» [Традиционное мировоззрение... 1988: 98].

С. Ю. Неклюдов отмечает, что «существует, наконец, мотив находки ребенка в тарбаганьей норе, причем именно необыкновенного ребенка, что, возможно, указывает и на его чудесное происхождение» [Неклюдов 2019: 77].

Следует отметить, что яма для перегонки *араки*, перекликающаяся с норой тарбагана, является символом места как рождения, так и смерти:

110r (11) *mūsiigi alaǰi okād:* (12) *xariu musin gerüür kürči irēd: kürči ireküleyigi musiin ekē-ni alād: arakiin nükün-* (13) *dū daraǰi okad: maliini nüülgēd:* ‘Убив муса, он вернулся в дом муса. Вернувшись, убил мать муса и закопал ее в яме для перегонки араки, скот его [к себе] перегнуть заставил’ [ГА РО. СИФ. № 13805. Л. 110r].

Здесь яма для перегонки араки воспринимается как граница, как вход в иной мир, как место рождения и смерти. Переход в этих местах осуществляется в бессознательном состоянии. Так, происходит с тремя младенцами и с убитыми старухами-мусами.

Таким образом, небесное происхождение героев проявляется не только в семантике теонима, но и через такие признаки как быстрота кобылиц и необыкновенное рождение в яме для перегонки араки = тарбаганьей норе.

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

Связь пути, движения персонажей с медвежьими и похоронными обрядами

Другим значимым процессом, по нашему мнению, является движение, перемещение героя, назовем его путь героя. В предыдущей статье нами рассмотрено семантически значимое движение Савара против солнца, которое связано с медвежьими и календарными обрядами [Убушиева 2022].

В сказке «Цагада Мергн, Улада Мергн, Көкөдә Мергн һурвн көвүнә тууль» («Сказка о трех юношах — Цагада Мергене, Улада Мергене и Кёкеде Мергене») можно выделить два вида пути. Путь героя и путь его суженой, которые совершенно различны. Герой преодолевает путь в один миг. Но в образце также представлено движение суженой Кёкеде Мергена, которая с приданным преодолевает путь из череды границ, препятствий, символизирующих инициацию, смерть и возрождение в ином мире, в мире мужа. Примечательно, что герой дает указания своей суженой по преодолению данного пути, скрыто говорящие о путевых вредителях:

110r (13) utār zursan-dām yabutan: kirsilēd zursun-dam 110v (1) üüdeltan: tögögögēr zursan-dam хоноқтун гәд ‘Там, где линию прочерчу, проезжайте, там, где крест начерчу, полдничайте, где круг начерчу, — там ночуйте, — сказал он [рагини]’ [ГА РО. СИФ. № 13805. Л. 110–110v].

В этом эпизоде наиболее явно прослеживается связь с похоронными и охотничьими обрядами. Известно, что линии, кресты и круги использовались в этих обрядовых действиях.

В первую очередь это символы предметов, препятствующих возвращению души умершего. В данном случае «умершей» является суженая Кёкеде Мергена.

Так, в похоронной обрядности тюрков Южной Сибири отмечается, что «возвращаясь с кладбища, „перегораживали“ дорогу скрещенными ветками, принимали другие меры предосторожности» [Традиционное мировоззрение... 1988: 73]. Примечательно, что в охотничьей обрядности, связанной с медведем, проявлялось представление о том, что он обладал душой, как и человек. Алтайцы, шорцы после удачной охоты на медведя, возвращаясь домой, «клали сзади себя поперек лыжного следа палки, чертили на снегу круги, чтобы *кут* не пришел следом. То есть поступали так же, как и при возвращении с похорон человека» [Новик 2019: 376]. Считалось, что душа медведя, так же как и человека, «не может преодолеть материальную преграду — палку или, попав в круг, начерченный на снегу, не в состоянии из него выйти» [Новик 2019: 377].

Указание на полдень, момент времени между восходом и заходом солнца, возможно, является кульминационным, показывающим смерть и возрождение, посредством приема пищи суженой, который завершает ее приобщение к роду мужа. Здесь же можно отметить, что движение, путь — «это жизнь и судьба». С. Ю. Неклюдов пишет, что «существует круг устойчивых семантических ассоциаций д у ш а — ж и з н ь — с у д ь б а (выделение автора. — С. Н.), воплощаемых в образах „пути“ и „нити“» [Неклюдов 2019: 66].

Таким образом, движение как в эпосе, так и в сказке имеет семантически значимую нагрузку и восходит к календарным, медвежьим, похоронным обрядам и обрядам инициации.

Лапа, большой палец как признаки антропоморфности персонажа

Еще одно важное связующее звено с образом медведя проявляется в этимологии имени богатыря Савара [Кичиков 1980: 431; Бакаева 2003: 88], которое в монгольских языках имеет значение «лапа» [КРС 1977: 435; БАМРС 2001: 65].

Более того, наряду с этимологией имени, восходящей к значению «лапа», необходимо учитывать: текст эпоса гласит, что трехлетний богатырь Савар тождественен величине большого пальца. Последний является отличительным признаком человека от животного, соответственно отрезание большого пальца есть превращение в животное:

І песнь Б. Ц. — 10v (3) mön töüni darūki (4) bātariini erkēn dūnggei yūnun nastai (5) saqtani... ‘Следом за ним богатырь [Савар], когда величиной с большой палец трехлетним был...’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 10v].

Наличие элементов лапы и большого пальца, связанных с Саваром = медведем, акцентирует антропоморфность персонажа. Исходя из анализа материалов можно выделить значимые звенья, составляющие образ богатыря Савара, — это медведь, лапа, большой палец, солнце.

С. Ю. Неклюдов отмечает, что «большой палец обладает по крайней мере двойной символической нагрузкой. Во-первых, его наличие является дифференцирующим признаком, отличающим человека от животного, лапа которого не имеет большого пальца (вспомним мотив превращения в зверя через отсечение большого пальца). Во-вторых, он заключает в себе силу мужчины-стрелка, которым перестает быть человек, лишившийся большого пальца» [Неклюдов 2019: 108–109].

В сказочном повествовании мотив отрезания большого пальца представлен в трансформированном виде с наложением мотива «поглощения и выплевывания» (смерть и возрождение). Так, старуха-мус, проглотив Кёкеде Мергена, отказывается выплюнуть его, тогда побратимы, изрезав ее на мелкие кусочки, находят его в ее мизинце:

113r (10) emegeigi cakūür cakūür čabčiid xaiyiya (11) xaiyiya baiji kōšēd amaraji sūtalani örkö dēre boqšada čibčeke-düni gēd torolba: čibčike-düni (12) xaiyiyaд olboi: zamilēd sūji okād tamkēn tataji sūnai ‘Изрубив, изрезав старуху на мелкие кусочки, искали они, искали его и, не найдя, присели отдохнуть, тут воробей, сев на дымник [кибитки]: — В мизинце ее, — сказал. Нашли они его в мизинце [старухи]. Там он сидел, скрестив ноги и покуривая трубку’ [ГА РО. СИФ. № 13805. Л. 113r].

Мотив нахождения героя в мизинце (чаще в большом пальце), или же величина героя с локоть или большой палец, вероятно, восходит к мотиву о чудесном, необычном появлении ребенка у бездетных старика и старухи. Но в настоящем эпизоде акцент сделан на мотив «проглатывания и выплевывания» персонажа, связанный с восстановлением утраченных ног, возвращением целостности и прежнего облика героя, через смерть и возрождение.

Заключение

Анализ показывает связь между Саваром = медведем и Кёкеде Мергеном, что согласуется с нашим предположением о состоятельности схемы: миф о медведе-охотнике → архаическое сказание о Саваре = медведе-охотнике → сказка о Кёкеде Мергене-охотнике. Текстовая реализация показывает, что оба персонажа

восходят к мифологическому сюжету о происхождении созвездия Орион. Но с той разницей, что сюжет о Саваре = медведе-охотнике сохранился у калмыков в имплицитном виде и в большей степени раскрывается через этнографический субстрат, тогда как у других монгольских народов существуют самостоятельные мифологические сюжеты о небесном охотнике Кёкеде Мергене. Следует также отметить, что сказка «Цагада Мергн, Улада Мергн, Кёкөдэ Мергн хурвн көвүндэ тууль» («Сказка о трех юношах — Цагада Мергене, Улада Мергене и Кёкеде Мергене») является единственным сюжетом с мифологическим персонажем Кёкеде Мергеном, зафиксированным среди калмыков.

Таким образом, изученные мотивы о чудесном рождении героя и пути, передвижении персонажей, восходящие к медвежьим и похоронным обрядам, а также связи с небесной кобылицей дополняют ранее исследованные мотивы движения Савара по лунной дороге, побратимства с Саваром = медведем, аналогичности сна Савара спячке медведя, в совокупности с запретами, связанными со способностью медведя слышать и традицией исполнения эпоса в вечернее, ночное зимнее время года, составляют комплекс мотивов, восходящих к ядерному мифологическому сюжету о небесной охоте и смене времен года.

Рассмотренные связи между Саваром = медведем и Кёкеде Мергеном подтверждают смену образа космического медведя охотника на антропоморфного персонажа. Возможно, существовали отдельные архаические сюжеты с персонажем Саваром = медведем-охотником, так как образ богатыря Савара калмыцкого эпоса все еще содержит его антропоморфные признаки. Возможно, богатырь Савар = медведь является переходным образом между медведем-охотником и Кёкеде Мергеном, что согласуется с гипотезой о смене образа медведя на антропоморфного персонажа небесного охотника Кёкеде Мергена и подтверждается на сюжетно-мотивном фоне сказочно-эпического корпуса калмыков.

Источники

- ГА РО. СИФ — Государственный архив Ростовской области. Справочно-информационный фонд.
- Калмыцкие сказки 1962 — Калмыцкие сказки / сост. Б. Джимбинов. М.: Гос.изд-во худ. лит., 1962. 183 с.
- Калмыцкие народные сказки 1962 — Калмыцкие народные сказки. 2-е изд., доп. и исп. Элиста: Калмгосиздат, 1962. 331 с.
- НА РГО — Научный архив Русского географического общества.
- Народное творчество Калмыкии 1940 — Народное творчество Калмыкии. Сталинград; Элиста: Обл. книгоизд-во, 1940. 315 с.

Sources

- State Archive of Rostov Oblast. Reference Information Collection. (In Russ.)
- Dzhimbinov B. (comp.) Kalmyk Tales. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1962. 183 p. (In Russ.)
- Ilishkin I. K., Ochirov U. U. (eds.) Kalmyk Folktales. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmgosizdat, 1962. 331 p. (In Russ.)
- Kravchenko I. I. (comp.) Folklore of Kalmykia. Stalingrad, Elista: Kalmyk Oblast Book Publ., 1940. 315 p. (In Russ.)
- Russian Geographical Society, Scientific Archive.

Литература

- Бакаева 2003 — *Бакаева Э. П.* Добуддийские верования калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 358 с.
- Бакаева 2009 — *Бакаева Э. П.* Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с
- Бакаева 2020 — *Бакаева Э. П.* Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования. Часть 2 // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 661–687. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-661-687
- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. Т. 3. О–Ф / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2004. 440 с.
- Дашиева 2001 — *Дашиева Н. Б.* Календарь в традиционной культуре бурят (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2001. 299 с.
- Кичиков 1980 — *Кичиков А. Ш.* Об итогах изучения «Джангара» // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов: мат-лы Всесоюзн. науч. конф. (г. Элиста, 17–19 мая 1978 г.). М.: Наука, ГРВЛ, 1980. С. 428–436.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.
- Новик 2019 — *Новик Е. С.* Миф и ритуал народов Сибири. Избранные статьи / сост. С. С. Макаров; отв. ред. О. Б. Христофорова; вступ. ст. С. Ю. Неклюдова, О. Б. Христофоровой. М.: РГТУ, 2019. 451 с.
- Пропп 2000 — *Пропп В. Я.* Русская сказка (Собрание трудов В. Я. Проппа) / науч. ред., коммент. Ю. С. Рассказова. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
- Традиционное мировоззрение... 1988 — Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.
- Убушиева 2021 — *Убушиева Д. В.* Мотивы космогонического мифа о небесном охотнике и трех маралах в фольклоре калмыков // *Монголоведение*. 2021. Т. 13. № 3. С. 567–576. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-3-567-576
- Убушиева 2022 — *Убушиева Д. В.* Медведь в калмыком фольклоре: реконструкция по сравнительно-типологическим признакам // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 3. С. 616–627. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-3-616-627

References

- Bakaeva E. P. Pre-Buddhist Beliefs of Kalmyks. Elista: Dzhangar, 2003. 358 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Sacral Codes of Kalmyk Culture. Elista: IKIAT, 2009. 159 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Veneration of Ursa Major among the Oirats and Kalmyks: Ancient beliefs and later Buddhist additions. Part 2. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 661–687. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-661-687
- Dashieva N. B. Calendar in Buryat Traditional Culture: A Study in History, Ethnography, and Cultural Genetics. Ulan-Ude: East Siberian State Academy of Culture and Arts, 2001. 299 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Exploring the Jangar: [Interim] results summarized. In: *The Jangar and Issues of Epic Tale-telling among Turko-Mongols*. Conference proceedings (Elista, 17–19 May 1978). Moscow: Nauka — GRVL, 1980. Pp. 428–436. (In Russ.)
- Lvova E. L., Oktyabrskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. Traditional Worldviews of South Siberian Turks: Space and Time. *The World of Things*. Novosibirsk: Nauka, 1988. 224 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)

- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Myth and Ritual. Moscow: Indrik, 2019. 520 p. (In Russ.)
- Novik E. S. Myth and Ritual of Siberia's Peoples: Selected Articles. S. Makarov (comp.), O. Khristoforova (ed.), S. Neklyudov (foreword). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2019. 451 p. (In Russ.)
- Propp V. Ya. The Russian Folktale: Collected Writings of V. Ya. Propp. Yu. Rasskazov (ed.). Moscow: Labirint, 2000. 416 p. (In Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Ө–Ф. Moscow: Academia, 2004. 440 p. (In Mong. and Russ.)
- Ubushieva D. V. Bear in Kalmyk Folklore: Semantic Typological Reconstruction Approached. *Oriental Studies*. 2022; 15(3): 616–627. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-3-616-627
- Ubushieva D. V. Cosmogonic myth of heavenly hunter (Sirius) and three marals (Orion's Belt): The motifs in Kalmyk folklore revisited. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 3. Pp. 567–576. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-3-567-576